

УДК 82.01/09

**СИМВОЛИКА КРУГА
В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ НОВЕЛЛЕ Э.Т.А. ГОФМАНА «МАЙОРАТ»**

© 2018 г.

Н.М. Ильченко

Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, Н. Новгород

ilchenko2005@mail.ru

Поступила в редакцию 23.10.2018

Рассматривается автобиографическая новелла Э.Т.А. Гофмана «Майорат», в которой отразились воспоминания юности писателя. Через сюжетные ситуации, связанные с историей гибели рода барона Р. и замка Росситен, он размышляет над таинственностью цикла человеческой жизни. Данный подход позволяет понять особенности поэтики немецкого романтика, обусловленные тесным переплетением в его художественном мире реальности и сверхъестественных явлений.

Ключевые слова: символ, образ, сюжет, круг, рассказчик, мотив, варианты ситуаций, художественный мир.

Новелла Э.Т.А. Гофмана (E.T.A. Hoffmann, 1776–1822) «Майорат» (Das Majorat, 1816 – 1817) входит в цикл «Ночные этюды» (Nachtstücke, 1817), отличающийся мистическим содержанием, изображением вмешательства потусторонних сил в человеческую жизнь. Новелла имеет автобиографический характер: в 1794 году Гофман, изучавший право в Кенигсбергском университете, сопровождает своего двоюродного деда, советника юстиции Фётери, в служебной поездке. Соответственно время действия «Майората» 179... год. В новелле два рассказчика – старый адвокат, ведущий дела семейства Р., именуемый в новелле первой буквой «Ф.», и его внучатый племянник, названный именем Гофмана – Теодор.

В «Майорате» соединяются две линии повествования, в которых истолкование гибели баронского семейства Р. дается с точки зрения двадцатилетнего начинающего юриста и семидесятилетнего, умудренного жизнью стряпчего. Два рассказчика представляют различные варианты осмысления одной и той же ситуации.

Основным местом действия является Р.-зиттен, расположенный на Куршской косе в сорока трех километрах от Кенигсберга. В середине XVIII века здесь еще сохранялись остатки сводчатых помещений и подвалов замка. Однако Гофман в 90-е годы XVIII века увидел только руины Р.-зиттена, которые произвели на него сильное впечатление. Через двадцать лет они «оживут» в «Майорате». Здесь показаны невероятные истории замка и его обитателей, необычная природа Куршской косы, а также обстоятельства собственной жизни писателя.

Кенигсберг, его ближайшие селения – родина Гофмана, здесь он постоянно проживает до 1796 года. Кенигсбергские впечатления про-

явятся впоследствии в его произведениях: «почти все существенные элементы и почти все лейтмотивы его творчества имеют своим источником его детские впечатления или, по меньшей мере, состояния души, навеянные этими впечатлениями» [1, с. 14]. Основным конфликт гофмановских произведений – художник (музыкант)/филистерское общество – связан в том числе и с родным городом. Гофман, оказавшийся после развода родителей в доме матери (урожденной Ловизы Альбертины Дёрфер) на Постштрассе, переживает одиночество в окружении близких, но чужих по духу людей. В «Житейских воззрениях кота Мурра» (Lebensansichten des Katers Murr, 1819–1821) он повествует о печальных уроках страданий и редких праздниках детства и юности. Его единственным другом стал Теодор Готтлиб фон Гиппель – племянник тайного советника и городского президента, живший рядом с Гофманом на Юнкерштрассе. Из писем, адресованных Гиппелю, известно, что Гофман в юности пережил трагическую любовь к замужней женщине – Доре Хатт. 10 января 1796 года он пишет: «Я люблю ее и несчастлив, оттого что не могу обладать ею, оттого, что даже в сладчайшие мгновения любви мне все мучительно напоминает о том, что она не моя – и не может быть моею. Она, которую я люблю больше всего на свете, без которой нет для меня ни счастья, ни радости, – жена другого...» [2, с. 52]. В новелле «Майорат» нашла отражение эта история первой любви Гофмана, перенесенная на взаимоотношения Теодора и Серафины.

Куршская коса – уникальное, загадочное пространство Восточной Пруссии. В XIII веке здесь появились рыцари Тевтонского ордена, примерно в середине косы в 1372 году они воз-

водят замок Rossitten. Почти одновременно в 1360 году на противоположном берегу Куршского залива был построен замок Winderburg. Оба замка служили местом ночлега рыцарям во время набегов на Литву. Потеряв первоначальное военное значение после установления мира с литовцами, они стали разрушаться. В Росситене (ныне поселок Рыбачий) бытует легенда о братьях-великанах, живущих на противоположных берегах Куршского залива. «Повздорив, они принялись бросать друг в друга громадными валунами» [3, с. 34]. Своеобразная «схватка» двух братьев изображается в гофмановской новелле «Майорат».

В основе сюжета новеллы – история баронского семейства Р. Глава семейства Родерих фон Р. основал майорат, то есть такой порядок наследования, при котором все владения переходили к старшему в роде. Все это, как ему казалось, послужит сохранению могущества рода. Однако майорат привел к вражде между сыновьями – старшим Вольфгангом и младшим Губертом. «С тех пор, – жалуется наследник майората, – как стало известно об учреждении майората, он преследует меня смертельной ненавистью» [4, с. 318]. Вольфганг называет младшего брата «злым демоном», а Губерт, лишенный наследства, обвиняет отца, который «напустил сюда злых демонов» [4, с. 320] и создал атмосферу ненависти.

Индивидуальное сознание, занимающее главенствующую позицию в пределах «моносубъектной» организации (термин Б.О. Кормана) повествования романтического произведения, приобретает в «Майорате» усложненную форму, что отчетливо проявляется в сюжетно-композиционном строе новеллы. Особую роль здесь играет Даниель – дворецкий основателя майората, а потом призрак замка. Доверенное лицо барона, домоправитель, он не простил обиды, нанесенной ему наследником, обвинившим его в пособничестве старику. Даниель стал фактическим убийцей Вольфганга. Последующие события, связанные с вмешательством враждебного начала в жизнь владельцев Р.-зиттена, разыгрываются в присутствии рассказчиков и отличаются удивительным правдоподобием.

Именно наличие рассказчиков создает эффект достоверности. В первую же ночь пребывания в замке Теодор оказывается свидетелем явления призрака: «Вдруг кто-то стал царапать в новую стену, и громче прежнего послышались тяжкие вздохи, словно исторгнутые в ужасающей тоске предсмертного часа» [4, с. 275]. «Неведомый», «призрачный мир» повергает в ужас молодого человека: «кровь стынет в моих жилах, холодный пот выступает на лбу» [4, с. 275].

Стряпчий Ф. одновременно с Теодором не наяву, а во сне увидел призрака: «Я видел, как вошел страшный призрак, как бессильно толкнулся он в замурованную дверь, как в безутешном отчаянии царапал стену так, что кровь выступила из-под сломанных ногтей...» [4, с. 278]. Следующей ночью, в двенадцать часов, при полном свете луны Ф., приглашенный на службу еще основателем майората и посвященный в тайну семьи, вступает в схватку со злым призраком, выживающим потомков из родового замка. «Став подле того места, где все бешеной и бешеной становилось царапанье, он сказал громким и торжественным голосом, какого я еще никогда от него не слышал: «Даниель, Даниель, что ты здесь делаешь в этот час?» [4, с. 279]. Пронзительный крик призрака и его падение наводят ужас на Теодора.

Первая часть повествования – рассказ молодого, романтически настроенного юноши, оказавшегося невольно вовлеченным в целую вереницу таинственных происшествий, которые не поддаются объяснению: «Ich fühlte mich wie von einer unbekanntten Macht berührt, oder es war mir vielmehr, als habe ich schon an den Kreis gestreift, den zu überschreiten und rettungslos unterzugehen» [5, S. 492]. В новейшем издании собрания сочинений Гофмана эта фраза переводится следующим образом: «Я чувствовал себя так, как будто меня коснулась неведомая сила, или, вернее, так, как будто мне осталось сделать всего один шаг до круга, переступив который я бы безвозвратно погиб» [6, с. 179]. В переводе А. Морозова «кругу» дается определение: «Я чувствовал, будто меня коснулась какая-то неведомая сила, или, лучше сказать, что я приблизился к магическому кругу» [4, с. 276]. Символика круга проходит через все повествование.

Значение этого символа достаточно разнообразно: вместе с положительной коннотацией (небо, императорская власть, движение дальше и др.), оно включает отрицательную: «окружность, обрисовывающая пустоту, ничто», «движение по кругу», то есть окончание на том же месте, с которого началось [7, с. 43]. Круг – «наиболее важная и универсальная из всех геометрических форм в мистических учениях» [8, с. 176]. В новелле «Майорат» перед чертой «магического круга» оказывается Теодор. В страшную ночь явления призрака его предупреждает страшный человек с ожившего портрета: «Остановись, не то ты подпадешь всем ужасам призрачного мира!» [4, с. 275]. Таинственный круг баронской семьи мог стать причиной гибели Теодора.

Нынешний владелец замка (действие происходит в 90-е годы XVIII в.) носит имя Родерих,

как и его дед. Все развивается по кругу в этой семье: после трагической гибели основателя майората его владельцем становится старший сын Вольфганг, после его таинственной смерти все наследует младший брат Губерт. Затем владельцем должен был стать уже его старший сын, которого тоже зовут Губерт. Однако Губерт-старший знал о рождении у Вольфганга законного владельца майората, сына, который должен был стать наследником. Он возвращает Р.-зиттен законному наследнику. Причина заключается в повторении ситуации – вражде, возникшей между сыновьями Губерта: «Судьба страшно наказала его за его вину посредством ненависти, все более и более поселявшейся между двумя его сыновьями» [6, с. 238].

Однако и Родерих-младший остается в пределах «круга»: он влюбился в родную сестру неожиданно лишённого наследства Губерта-младшего и женился, таким образом, на своей двоюродной сестре Серафине.

Герои «Майората» не выходят за пределы своеобразного «географического круга/пути», который включает в себя Кенигсберг, Курляндию, Петербург, с точкой в центре – Р.-зиттен. Из-за занятия чернокнижием и «неудачной магической операции» из Курляндии когда-то был изгнан основатель майората, но в Курляндское поместье возвращаются его внук и внучка. Родерих-младший и Серафина предпочитают жить в Курляндии, наезжая в Р.-зиттен только в период осенней охоты.

Теодор и его дед живут в Кенигсберге, где ведутся и все судебные дела относительно владения майоратом, они тоже приезжают в Р.-зиттен поздней осенью.

В Петербурге оказываются два сына Губерта. Сначала он туда отправил младшего, опасаясь братоубийства: рассерженный гордостью старшего, младший «бросил в него ножом, который был у него в руке» [6, с. 238]. Губерт-младший после несостоявшегося вступления в майорат уехал в Петербург и поступил на военную службу.

Новелла заканчивается посещением развалин замка Теодором, который едет из Петербурга, куда «загнала» его «военная гроза»: «Прошло уже шестнадцать лет, как барон Родерих фон Р., последний владелец майората, умер, не оставив после себя наследников, и майорат, согласно уставу, по которому он был учрежден, поступил в казну» [4, с. 340]. Таким печальным образом замыкается этот круг с центром в Р.-зиттене.

Еще один круг, в котором оказывается двадцатилетний рассказчик, связан с его любовью к жене Родериха-младшего. Теодор называет баронессу «ангелом света» и страстно влюбляется в нее.

Ситуация, представленная в «Майорате», характерна для многих гофмановских произведений: страстная любовь к женщине обязательно связана с музыкой. Здесь ярко проявились эмоции писателя, навеянные воспоминаниями о его первой любви. «В 1792 году, когда Гофман начал свою учебу в университете, Хатты переехали в дом Дёрферов, где проживали до весны 1794 года... Юный Гофман давал ей уроки пения и игры на фортепьяно» [9, с. 74]. В большинстве гофмановских произведений (как и в ситуации с Юлией Марк в Бамберге) любовь и музыка неразрывны. В новелле Теодор и Серафина чувствуют друг в друге родственную душу, а объединяющим началом является музыка: «Я с величайшим вдохновением заговорил об этом чудном, святом искусстве, не умолчавши о том, что, несмотря на сухую и скучную юриспруденцию, которой я предался, я довольно хорошо играю на фортепьяно, пою и даже сочинил несколько песен» [6, с. 186].

К развязке «фантастическую любовь» Теодора к Серафине неожиданным образом подталкивает сцена охоты на волков, которая имеет сюжетобразующее значение. Владелец майората посещает Р.-зиттен только в период осенней охоты, служащей объединяющим событием, поскольку здесь оказываются многочисленные гости, а также старый адвокат Ф., ведавший делами семейства.

Охота на волка, в которой участвует Теодор, показала его решительность и храбрость. Молодой человек, оказавшись один на один с огромным волком, убивает его. Спасительным предметом оказывается нож, который предусмотрительно вручает ему перед охотой дед. Волк описывается в новелле свирепым и коварным существом, что совпадает с представлением о нем «как хищном творении природы» [8, с. 46].

Зеркальным отражением образа волка является описание дворцового Даниеля. Он сравнивается с раненым зверем, издающим «ужасные звуки», «страшный, рыдающий вой, напоминающий рев» [6, с. 216, 236]. Когда-то именно на охоте с младшим сыном погибшего владельца майората они решили погубить Вольфганга. Однако Губерт отказывается от преступления, а Даниель убивает наследника.

Старый адвокат Ф. проницательно соотносит сцену охоты с тем гибельным «магическим кругом» семейства, в котором может оказаться племянник. Он останавливает вдохновенный рассказ юноши о силе, находчивости и храбрости, которые он проявил в схватке с волком, словами: «Бог помогает слабым!» [6, с. 195]. Ф. снова предостерегает: «Кто давал тебе право вторгаться как какой-то легкомысленный фронт

туда, куда ты не принадлежишь и где тебя вовсе не знали?» [6, с. 200].

Своеобразным продолжением происшествия на охоте становится «поединок» Теодора и мужа Серафины. Пылкий юноша склонен видеть в Родерихе обманутого мужа: «Я был безоружен, но тотчас вспомнил, что при мне отличный охотничий нож, подаренный мне дедом...» [4, с. 301]. Снова нож, полученный от деда, воспринимается в качестве спасительного предмета. Заботясь о своей репутации, поддавшись возбужденному состоянию влюбленного, Теодор не сразу понимает состояние барона, всегда опасавшегося трагедии, которая может произойти в замке. Он боится за Серафину, в верности которой не сомневается, опасается и за Теодора, который мог погибнуть на охоте. Дуэльный ритуал, «бой» соперников превращается в своеобразную исповедь/проповедь барона, чье великодушие удивляет Теодора и меняет его поведение. Родерих обвиняет молодого человека, по вине которого баронесса «вовлечена в волшебный круг... музыки» [4, с. 303]. Теодор попытался перенести Серафину из одного «круга» – замкового, с дикой жизнью, завывающим в елях морским ветром, собачьим лаем – в «очарованный круг... музыки» [6, с. 206]. По мнению барона, звуки охотничьей жизни со «смело и весело звучащими переливами рогов», а не «расслабляющее, томное хныканье фортепьяно» должны были стать «укрепляющей ванной» для «нежной женщины» [6, с. 204]. На автобиографичность ситуации, на представление о жизни-круге указывает дневник Гофмана. Оказавшись в Кенигсберге в 1804 году (за двенадцать лет до создания новеллы), он встречает Мальхен Хатт – дочь уже умершей Доры и говорит о существовании «магического круга воображения» [1, с. 55], который их объединяет.

Разрушительная сила чуждого ему круга только коснулась Теодора, который с самого начала ощущал опасность своего положения, понимая, что Серафина испытывает «враждебное действие замкового призрака»: «Что-то ужасное случилось или должно было случиться!» [4, с. 290]. Однако чувство, ей внушенное, было очень сильным, и молодой человек, только пройдя через испытания, приобретя жизненный опыт, понимает суть слов деда, назвавшего его «влюбленным пастушком», а себя, по прошествии лет, сам рассказчик именует «глупым ребенком», «дующимся мальчиком», «который вздумал есть запрещенные плоды» [6, с. 208]. Теодор остается за пределами «круга» баронского семейства, в который чуть не попал из-за любви к Серафине. Характер развязки носит сцена в лесу, атмосфера которой и описание

отчасти повторяют сцену охоты на волка: «Снег падал густыми хлопьями, ели стонали, качаясь от ветра...» [6, с. 208]. Метель заставила молодого человека трезво взглянуть на отношения с Серафиной.

Свое понимание круга – «круга человеческой жизни» – перед смертью раскрывает Теодору старый стряпчий, которому ясно представляется теперь «темное предопределение, тяготеющее над тем домом... и таинственные отношения, в которые ты, быть может, и не по своей воле отважился вмешаться» [4, с. 308–309].

Рассказчики несколько раз возвращаются к таинственной гибели Вольфганга. Сначала Теодор из разговора с Серафиной узнает о страшной тайне, скрытой в стене рыцарской залы: «Что-то ужасное случилось в этой зале, куда я не могу войти без трепета» [4, с. 295]. К таинственному происшествию несколько раз возвращается стряпчий Ф. в своем рассказе о злоключениях потомков майората. Он был одним из свидетелей гибели Вольфганга, хотя долгое время о виновнике убийства не знал. Стряпчий вспоминает ту роковую ночь, когда внезапно проснулся с чувством страха и рокового предчувствия. «Дверца, что вела на башню, была открыта настежь; объятый глубоким ужасом, стряпчий громко воскликнул: “Он разбился и лежит внизу”» [4, с. 321]. Через несколько лет стряпчий узнал о сомнамбулической болезни состарившегося Даниеля, которая и выявила в нем виновника убийства.

Круг совершает свой оборот, когда молодой барон Родерих становится невольным виновником смерти человека, убившего его отца. Стряпчий наконец раскрывает сыну Вольфганга «ужасную тайну», связанную с этим «чудовищем», «проклятым», который блуждает по ночам: «Небо определило сыну отомстить убийце отца!» [4, с. 335].

Однако цепочка злодеяний на этом не заканчивается: проклятье тяготеет над родом и уносит жизни всех его представителей. При этом каждый из героев живет в состоянии предчувствия ужасного. Последним трагическим событием стала гибель Серафины. Ее предчувствовал не только барон, но и Теодор, влюбленный в баронессу. Уже после отъезда из замка он обнаруживает в сумке для писем темный локон Серафины, перевитый белой лентой с едва заметным следом от капли крови: «откуда эта капля крови? Она вселила в меня предчувствие чего-то ужасного» [4, с. 307]. После отъезда из замка стряпчего Ф. и его внучатого племянника во время катания «от ужасного толчка» переворачиваются сани, и тело Серафины находят бездыханным.

Символ «огненного круга»-жизни присутствует в самой известной «ночной новелле» Гофмана – «Песочный человек» (*Der Sandmann*, 1815). Натанаэль, заканчивая свой жизненный круг, в приступе безумия кричит: «Огненный круг вертись! огненный круг вертись!» [10, с. 40], а затем кончает жизнь самоубийством, бросившись вниз с высокой башни ратуши. Смерть владельцев майората, его основателя и старшего сына, связана с замковой астрономической башней. Башня в данном случае «несет символику оси между землей и небом и самонадеянной попытки человека достичь небесных высот» [8, с. 22].

В новелле «Майорат» параллельно существуют реальный и фантастический миры. При этом фантастический связан с необычными психическими состояниями, основанными на ужасе. Ужас же порождается роковыми тайнами, которые до конца не раскрываются. Серафина в мчащихся санях увидела призрак старика. Кто это: лунатик Даниель или учредитель майората? Ответа на этот вопрос не содержится в гофмановской новелле. Оба призрака, образы которых созданы в соответствии с представлением о готических злодеях, отличаются от обычных людей. С помощью неявной фантастики автор намекает на союз барона Родериха фон Р. с нечистой силой. Даниель же, помогавший своему хозяину-чернокнижнику, является лунатиком, что связывает его с потусторонним миром. Оба они, каждый по своей причине, преследуют свою жертву – Вольфганга. Первый хотел привязать старшего сына к наследственному имени, поэтому запретил жениться по любви, а второй не может простить невольно причиненной ему обиды. Как в готических романах, где за грехи предков расплачиваются потомки, эта позиция высказывается в новелле: «Рассказывают не мало странного о предке, который учредил майорат, и я хорошо знаю, что какая-то мрачная семейная тайна, заключенная в этих стенах, подобно ужасному призраку, выживает отсюда владельцев» [4, с. 294]. Гофман сохраняет и основную тему готических романов – загадочность жизни, невозможность проникнуть в ее тайны. «Какую злую силу вызвал ты к жизни, думая навеки укоренить свой род» [4, с. 340], – размышляет в финале новеллы Теодор, посетивший развалины замка Р.-зиттен. До сих пор в них местные жители слышат в полнолуние «ужасающие стенания». Замковыми привидениями могут быть не только дворецкий Даниель или основатель майората Родерих фон Р., но и его старший сын Вольфганг, мечтавший найти сокровища под обломками обвалившейся башни.

Э.Т.А. Гофман дал в новелле подробное описание окрестностей замка, подъездов к нему со стороны Кенигсберга и со стороны Мемельбурга, время пути между замком и деревней. Суровые и дикие окрестности замка с «жалким еловым лесом» изображаются по контрасту с «цветущими полями, роскошными лугами и рощами» деревни, «веселым ольховым лесом», где предполагалось строительство нового замка. Рядом же с Р.-зиттеном «раздается лишь ужасающее карканье воронов, пронзительные крики чаек, предвестниц бури» [4, с. 267]. Здесь жалобно завывает морской ветер. Вольфганг называет замок «диким совиным гнездом» [6, с. 213].

Особый интерес представляют предвидения Гофмана, связанные с пространством Куршской косы и Р.-зиттеном. Барон Родерих фон Р. в предсмертной записке, якобы написанной в 1760 году, распорядился воздвигнуть «на высоком холме, лежащем на восток от замковой башни... высокий маяк на пользу мореплавателей и каждую ночь его освещать» [6, с. 216]. Спустя годы рассказчик Теодор, возвращающийся из Петербурга, «замечил на небе большую, сияющую звезду». Кучер пояснил, что «это маяк в Р.-зиттене» [6, с. 241]. На самом деле маяк из камней замка будет сооружен только в 1884 году.

Еще одно предвидение Гофмана связано с аномальными явлениями Куршской косы. Серафина погибла во время катанья на санках: «Как только они перерезали долину, лошади вдруг рванули в каком-то необъяснимом страхе и понеслись в безумном беге» [6, с. 240]. На этом месте уже в шестидесятые годы XX века вырос так называемый танцующий лес. Существуют различные точки зрения, объясняющие происхождение искривленных стволов деревьев. Вместе с тем, корявые и петлевидные деревья в народных поверьях считаются воротами в иной мир.

Таким образом, субъектная организация повествования и сюжетно-композиционный строй новеллы «Майорат» свидетельствуют об усложнении формы выражения авторского сознания в пределах романтического произведения. История с призраком, обнажающая «ночные стороны» жизни, как и учреждение майората, привели к гибели рода. Через ситуации, имеющие автобиографический характер, Э.Т.А. Гофман размышлял над двойственностью бытия, над таинственным «кругом» человеческой жизни. Словами старого адвоката писатель передал свою позицию: «Есть нечто, чего я не могу выразить... словами, и не один человеческий язык не способен на это» [6, с. 210].

Список литературы

1. Виткоп-Менардо Г. Э.Т.А. Гофман, сам свидетельствующий о себе и о своей жизни (с приложением фотодокументов и других иллюстраций) / Пер. с нем. О. Мичковского. Челябинск: Урал LTD, 1998. 320 с.
2. Гофман Э.Т.А. Жизнь и творчество. Письма, высказывания, документы / Пер. с нем. Т. Ключевой. Сост. К. Гюнцеля. М.: Радуга, 1987. 464 с.
3. Куршская коса. Мифы и легенды Восточной Пруссии / Сост. Л. Догадовой, С. Королевской, Г. Сафонова. Калининград: Элемент, 2015. 71 с.
4. Гофман Э.Т.А. Майорат / Пер. с нем. А. Морозова // Гофман Э.Т.А. Собрание сочинений: В 3 т. М., 1962. Т. I. С. 267–340.
5. Hoffmann E.T.A. Das Majorat // Hoffmann E.T.A. Sämtliche Poetischen Werke. Wiesbaden, 1957. Bd I. S. 484–552.
6. Гофман Э.Т.А. Майорат / Пер. М. Бекетовой // Гофман Э.Т.А. Собрание сочинений: В 8 тт. М.: ТЕРРА, 2009. Т. 2. С. 170–241.
7. Бауэр В., Дюмотц И., Головин С. Энциклопедия символов / Пер. с нем. Г. Гаева. М.: КРОН-ПРЕСС, 1998. 512 с.
8. Тресиддер Д. Словарь символов / Пер. с англ. С. Палько. М.: ГРАНД, 1999. 448 с.
9. Сафрански Р. Гофман / Пер. с нем., вступит. ст. В.Д. Балакина. М.: Молодая гвардия, 2005. 383 с.
10. Гофман Э.Т.А. Песочный человек / Пер. М. Бекетовой // Гофман Э.Т.А. Собрание сочинений: В 8 т. М., 2009. Т. 2. С. 7–40.

**THE SYMBOLISM OF THE CIRCLE IN E.T.A. HOFFMANN'S AUTOBIOGRAPHICAL NOVELLA
«THE ENTAILMENT»**

N.M. Ilchenko

We examine the autobiographical novella by E.T.A. Hoffmann «The Entailment» where the writer's youth memories are reflected. Through the plot situations connected with the history of baron R's family and the castle of Rossiten's fall, the author reflects on the mystery of human life cycle. By using this approach, it is possible to understand the peculiarities of poetic manner of the German romanticist that are determined by the entwinement of the reality and supernatural phenomena in his fictional world.

Keywords: symbol, image, plot, circle, narrator, motif, situation variants, fictional world.

References

1. Vitkop-Menardo G. Eh.T.A. Gofman, sam svidetel'stvuyushchij o sebe i o svoej zhizni (s prilozheniem fotodokumentov i drugih illyustracij) / Per. s nem. O. Michkovskogo. Chelyabinsk: Ural LTD, 1998. 320 s.
2. Gofman Eh.T.A. Zhizn' i tvorchestvo. Pis'ma, vyskazyvaniya, dokumenty / Per. s nem. T. Klyuevoj. Sost. K. Gyuncelya. M.: Raduga, 1987. 464 s.
3. Kurshskaya kosa. Mify i legendy Vostochnoj Prussii / Sost. L. Dogadovoj, S. Korolevskoj, G. Safonova. Kaliningrad: Ehlement, 2015. 71 s.
4. Gofman Eh.T.A. Majorat / Per. s nem. A. Morozova // Gofman Eh.T.A. Sbranie sochinenij: V 3 t. M., 1962. T. I. S. 267–340.
5. Hoffmann E.T.A. Das Majorat // Hoffmann E.T.A. Sämtliche Poetischen Werke. Wiesbaden, 1957. Bd I. S. 484–552.
6. Gofman Eh.T.A. Majorat / Per. M. Beketovoj // Gofman Eh.T.A. Sbranie sochinenij: V 8 tt. M.: TERRA, 2009. T. 2. S. 170–241.
7. Bauehr V., Dyumotc I., Golovin S. Ehnciklopediya simvolov / Per. s nem. G. Gaeva. M.: KRON-PRESS, 1998. 512 s.
8. Tresidder D. Slovar' simvolov / Per. s angl. S. Pal'ko. M.: GRAND, 1999. 448 s.
9. Safranski R. Gofman / Per. s nem., vstupid. st. V.D. Balakina. M.: Molodaya gvardiya, 2005. 383 s.
10. Gofman Eh.T.A. Pesochnyj chelovek / Per. M. Beketovoj // Gofman Eh.T.A. Sbranie sochinenij: V 8 t. M., 2009. T. 2. S. 7–40.